МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

проблемами витальной силы страсти, проявляющейся в отношении ко всей полноте существования, в том числе и в любви, во-вторых, с проблемой поэта и культуры, и, наконец, в-третьих, с проблемой чтения и творчества как индивидуального опыта, способного вознести субъекта до «провидца».

Литература

1. Амелин М.А. Гнутая речь. М. : Б.С.Г.-Пресс, 2011. 464 с.
2. Письма Д.И. Хвостова к М.П. Погодину / Публикация Т. Ф. Нешумовой // Лица: биографический альманах. М. ; СПб. : Феникс: Atheneum, 1993. Т. 2. С. 269–286.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-86

СТРУКТУРА СБОРНИКА С. ДОВЛАТОВА «ЧЕМОДАН» («THE SUITCASE») В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ

Филиппова Е.А.
Томский государственный университет, студент

STRUCTURE OF THE COLLECTION OF STORIES «CHEMODAN» («THE SUITCASE») IN ENGLISH TRANSLATION

Filippova E.A.
Tomsk State University, student

В статье анализируется англоязычный перевод сборника рассказов С. Довлатова «Чемодан» в аспекте изменения структуры и поэтики оригинала. Заключение, отсутствующее в русскоязычных изданиях, выводит проблематику текста на онтологический уровень, облегчает рецепцию текста иностранным читателем, а также вводит тему писательства (творчества) как стратегии выстраивания собственной жизни.

Ключевые слова: Довлатов, англоязычный перевод, структурные трансформации.

The paper deals with the English translation of the collection of stories «Chemodan» («The Suitcase») by S. Dovlatov. The conclusion missing in the original text presents the metaphors of the gate and the book-suitcase, thus emphasizing the philosophical aspects of the text, therefore, adapts the text to the reception by English-speaking readers, as well as introduces the idea of writing being a strategy to build up one's life.

Key words: Dovlatov, English translation, structural transformation.

Научный руководитель: А.Б. Стрельникова, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Перевод сборника С. Довлатова «Чемодан» был выполнен А. Боуиз и издан в 1990 году, в 2011 году вышла новая редакция перевода (revised translation) [1], которая и рассматривается в настоящей работе. В англоязычном варианте сборник отличается по объему, поскольку в переводе А. Боуиз к предисловию и восьми главам оригинального текста добавляется заключение («Instead of an Afterword»). Заключение является прямым продолжением «Предисловия» («Foreword»), и если в оригинальном тексте связь начала и финала выражается в нескольких предложениях последнего рассказа, то в англоязычном переводе автор создает экспозицию перед историями, а заключение предстает как своего рода «резюме».

Последний рассказ – история шоферских перчаток, которые герой взял в Америку, чтобы водить машину. Финальная история в оригинале реализуется как будто одновременно в СССР и США: на протяжении восьми рассказов повествование велось исключительно в пространстве и времени Советского Союза, и последние строчки текста, произнесенные из Америки, напоминают, что весь текст – только воспоминания. Герой и не в СССР (пространство СССР на самом деле – пространство памяти), и не в США (три строчки текста после восьми рассказов не фиксируют американское пространство достаточно определенно, чтобы закрепить в нем героя). Помимо пространственно-временной неопределенности (вненаходимости или сверхнаходимости) (герой в мире), положение героя (герой в себе) также неопределенно: как в пространстве СССР (перед героем эмиграция, о которой он еще не вполне знает), так и в пространстве США (герой так и не купил автомобиль, очевидно, бывший целью эмиграции). Внутренняя динамика сборника – процесс приобретения вещей: в Советском Союзе – одежды (в заключении герой назовет их «a pile of rubbish» [2. С. 129]), за границей – автомобиля. По сравнению с одеждой, чемоданом как вместилищем одежды, автомобиль, в первую очередь, – знак благополучия, состоятельности. Если приобретение автомобиля и могло бы быть аферой (как в рассказе «Креповые финские носки»), то для его содержания необходим устойчивый источник дохода, гараж, в котором автомобиль стоит вне движения. Чемодан, напротив, знак нищеты («И в результате – один чемодан. Причем довольно скромного размера. Выходит, я нищий?» [2. С. 274.]). В то же время, чемодан и автомобиль можно сопоставить на основании характеристик автомобиля, определенных Ж. Бодрийяром: автомобиль противопоставляется дому, быту. Интимность очага –

интимность замкнутости в отношениях и привычках домашнего быта. Интимность автомобиля – интимность стремительного прорыва через время и пространство, место, где возможен несчастный случай [3]. У Довлатова весь дом умещается в один чемодан – с замкнутостью быта (обыкновенные бытовые вещи), с замкнутостью отношений (все отношения поместились в чемодан, «a suitcase of memories» [1. P. 129]). Со-противопоставление Бодрийяра основывается на движении через время-пространство, присущее автомобилю и не присущее дому. У Довлатова движение через время-пространство присуще и автомобилю, и чемодану. Финал русскоязычного текста неожиданный: «Пусть весь Форест-Хилл знает “того самого Довлатова, у которого нет автомобиля”» [2. С. 386]. Герой не только не достигает своей цели (автомобиля, ради которого перешел границу), но и декларирует отказ от нее, демонстративно заявляет по ту сторону границы, что теперь для него ценность – отсутствие вещи. Подобное заявление можно интерпретировать двояко: как отказ от движения или как знак нового вектора жизни героя, который не называется в тексте. Ряд вопросов, поставленных в финале, закрепляет эту неопределенность. В английском же тексте присутствует заключение. Если оригинальный текст заканчивается с окончанием истории последней вещи из чемодана, и читатель расстается с героем в непонятном пространстве между СССР и Америкой, то в английском переводе герой возвращается в «реальную жизнь»: стоит над чемоданом и подводит итог воспоминаниям с точки зрения состоявшегося эмигранта. Заключение логически завершает текст, упорядочивает его сюжетно и композиционно. Исчезает оригинальное настроение незавершенности и неупорядоченности, вписывающееся в общие представления Довлатова об абсурде. Заключение подводит итоги «Чемодана» в целом: повторяются главные темы, метафоры из предисловия; проблемы, поставленные в тексте имплицитно, в заключении выражены эксплицитно, проговариваются буквально, что весьма необычно для довлатовского текста. Так, развивается философское обоснование метафоры чемодана: на «другой границе» героя спросят, что он взял с собой – и он покажет дешевый американский чемодан. Буквальное понимание *границы* как высшего суда, итога жизни («And at the end of my allowed time I will appear at the another gate» [1. P. 129]) распространяется и на первую границу, с которой начинается «Чемодан», на ОВИР. Так, чемодан из вещи превращается в Вещь, свидетельство его жизни, по которому будут судить героя. Метафора

книги как чемодана проговаривается героем в последней строчке текста: «There's a reason that every book even one that isn't very serious, is shaped like a suitcase» [1. P. 129]. Таким образом актуализируется принципиальная в творчестве Довлатова тема писательства, творчества и жизни как творчества, эксплицитно в русскоязычном тексте не явленная. Метафора чемодана реализуется также на композиционном уровне: предисловие и заключение можно интерпретировать как крышки чемодана: «На дне – Карл Маркс. На крышке – Бродский. А между ними – пропащая, бесцельная, единственная жизнь» [2. С. 275]. Чемодан похож на книгу, и книга в англоязычном переводе похожа на чемодан (две крышки и вещи между ними).

Финал англоязычного сборника выводит текст за пределы советской проблематики: граница советского и американского миров становится онтологической границей, чемодан из вещи, напоминающей о советской жизни, становится метафорой творчества, писательства, жизни вообще. Прием прямого проговаривания авторской программы весьма необычен для Довлатова, следовательно, заключение включено в англоязычное издание с целью актуализировать философскую проблематику, присутствующую, но не явленную эксплицитно в оригинальном тексте. Таким образом, заключение облегчает рецепцию философского уровня текста иностранным читателем, а также вводит новую тему – писательства (творчества) как стратегии выстраивания собственной жизни, характерную для постмодернистской эстетики.

Литература

1. Dovlatov S. The Suitcase. Richmond : Alma classic, 2016. 137 p.
2. Довлатов С.Д. Встретились, поговорили. СПб. : Азбука-классика, 2005. 528 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 2001. 224 с.